

«МОЕ СЕРДЦЕ — ЭТО НЕБО...»

В Музее искусства народов Востока—выставка народного художника Армянской ССР Рудольфа ХАЧАТРЯНА

Люди с улицы смотрят и думают: вот зажглось окно, кто-то встал ранний. Они не знают, что это девочка подошла к окну — и возник в стене восьмигранный чудодейственный кристалл, наполненный светом. Рисунок называется «У окна».

Человек излучает свет.

— А что такое свет, как не искренности и любовь, — думает Хачатрян и подходит к мольберту...

Только человек! Хачатрян сравнивает росписи Сикстинской капеллы с портретом Джоконды, которая кажется ему глухой и немой: настолько сосредоточена в себе, в своей внутренней музыке. Она побеждает лавину фресок, потому что в ней сосредоточена вся Галактика.

Вся Галактика в единственном человеке.

Говорят, человек — зеркало природы. Задачей художника Хачатрян видит возвращение отражения к самой природе. Возвращение к самому себе. Нахождение своей Галактики.

«Здесь свет, пожирающий цвет...» Карандашные рисунки Хачатряна — это чистота и воздушность. Это линия, которая только пытается обозначить чистоту и воздушность, никак не ограничивая и не удерживая... Я грущу, что в каждом человеке не живет Моцарт. Слова Экзюпери созвучны настроению художника, в своих моделях он ищет и обнажает моцартовское начало.

Во многих ранних рисунках властвует «принцип окна». Рисованная рама окружает портреты... Как если бы дом художника стоял у дороги, а к открытому окну подходили люди—знакомые и просто прохожие.

Приходили вместе со светом и несли в себе свет. Мальчик Сева пристально

задумчиво смотрит на замершие струны деревьев.

— Что ты видишь, строгий, ясный мальчик?

— Я открываю.

— Что открываешь ты?

— Деревья тянутся ко мне, похожи ли они на меня?

Рисунок дочери...

— С чем пришла, доченька?

— Я думаю, папа.

— О грустном или веселом?

— И о том, и о другом. Мне о многом надо подумать.

Нежное недоумение наполняет глаза женщины на портретах Хачатряна. Мягкая робость скользит по лицам легкой блуждающей улыбкой. Они словно просят снисхождения, но и гордятся собой... «Ладошка твоя щурит свет Моны Лизы», — сказал поэт Андрей Вознесенский.

— Вот я пришла, — задумчиво говорит молодая женщина («Портрет жены»). — Я принесла цветы...

Рука ее опускается на нарисованную раму, пальцы слегка разжимаются, и чуть-чуть рассыпаются цветы.

— Я некстати, — продолжает она, — и все-таки взгляни на меня: разве могу я прийти некстати?

Воображаемые диалоги. На портретах Хачатряна — человек, произносящий слово. И каждая морщинка на говорящем лице человека значительна. В детстве приснился ему сон: тончайшее прорисованное лицо в «невероятном» свете. Может быть, рисунки художника — стремление достичь совершенства того идеального образа. Среди лиц юношеской поры привлекает

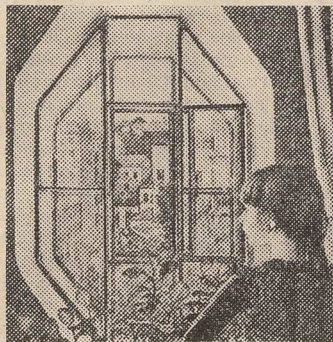
доброе лицо бабушки. Всегда хотел быть сильным и смелым. Не уклонялся от драк, умел себя защитить. Страсти бушевали его. Влюблялся пламенно, ненавидел — навсегда. Был влюблен в воспитательницу в детском саду. Нечаянно разбил стакан. Воспитательница в дождь и сырько погнала его домой за стаканом... Так погибла любовь. В ярости и обиде мчался Хачатрян, нарочно заскакивая в самые глубокие лужи и разбивая грязь в брызги. Где было знать воспитательнице, что стакан в доме Хачатрянов один-единственный.

Военные, голодные годы... Что рисуют в детстве? Сказку? Хачатрян рисовал печку «буржуйку»: ярко светится сквозь дырочки жар сожженных дров, дрова лежат у печки...

«Если работать для хлеба — кончилась жизнь». Здесь пропущено слово «только», потому что с юности он трудился именно для хлеба — «ворочал камни» — знаменитый армянский туф, вобравший в себя свежее солнце расвета и грустное солнце заката.

Но он работал не только для хлеба, а чтобы рисовать. Эта страсть сжигала его с самых ранних лет. Еще пятилетним набрасывал матери орнамент, она вышивала...

Потом ходил по улицам и рисовал людей. Особенно нравились старики. Однажды в садике подошел красивый человек с трубкой. Посмотрел на рисунок. «Сынок, приходи ко мне в мастерскую. Я — Кочар». Знаменитый Кочар, ве-

ликий экспериментатор, стал «духовным отцом» мальчишки с ереванской улицы. Он мог «заражать искусством» и хвалить безудержно, но так, что это не вызвало самодовольства, но рождало желание достигать самых высоких вершин его хвалы...

Так рождался линейный монолог Хачатряна. Сейчас освоил он новую технику, рисует коричневой сепией по левкасу — многослойному светлomu грунту, покрывающему доску (изобретено еще древнерусскими живописцами). Художник считает, что у него наступила «стадия мрамора и бронзы». Свет стегнулся и почти стал цветом. Тонкая светлост линии приобрела тональность. Рисунок стал монументальным и живописным. Но отчего-то тоскуешь по почти стерилизованной чистоте ослепительного света прежних рисунков. Хачатрян уже не обнажает моцартовское начало, а словно прятет его. Хочет защитить? Чувствует приближение Сальери? В чем это может выразиться? В чрезмерной мо-

дументализации, издержках раз и навсегда избранной манеры, «артистизме ремесла», излишнем бесстрастии иных портретов?

Бесспорно одно — новая манера позволила ему и углубиться в психологический мир своих моделей.

Хачатрян может представить свою модель в старости и «вспомнить» ее в детстве. Это помогает ему лучше понять человека.

Когда его одолевают сомнения, а творчество как бы заходит в тупик, он обращается к образу человека, которого знает и много лучше, и много хуже других. Он возвращается сам к себе. Всматривается в себя более пристально, чем обычно. И пишет автопортрет.

Мы видим — художник опустошен творчеством, изможден и как-то староват. Морщины и тени на лице. Волосы опали копною, рабочая блуза проста. Наверно приговорен к труду...

Он создает автопортрет, будто идет по своим горам, как геолог — с единственной целью: найти самые ценные породы. «Я сам себя поднимаю».

И мы видим — он напряжен, полон вдохновения. Ему хочется быть легким и артистичным. Рука, красящая, лежит на боку, карандаш — в другой, как пойманная птица.

Всецело веруя во всеислие своего карандаша, сосредоточенно-томительно смотрит она на модель. Спрашивает — утверждает:

— Кто вы, зачем вы? Все вижу, все знаю.

Смотрит на модель, как врач на больного.

Волнами живой материи заботливо и значительно окружает он лицо и тело человека. Его модель кажется одетой особенно, в старинную или специального покроя одежду. Но Хачатрян протестует, когда в одеждах находят старинный изыск, даже сердится, объясняя: «Вот это водолазка, это индийская юбка, это шаль...» Прекрасно-нежная геометрия тела «Натурщицы» увенчана тюрбаном. «Женщина после купания», — говорит художник, — Разве не так она повязывает голову...». И он прав.

Береты, складки, рюшечки смотрятся для художника знаками душевной устойчивости или смятения, выплеснутого наружу... Простой венчик на голове модели вызывает ассоциацию со ста эпохами. Мы отвыкли надевать венки. Хачатрян возвращает нас к природе и красоте.

Ему дорого все, что близко окружает человека, несет его отраженный свет. Потому он рисует натюрморты. Осозанность лукович можешь почувствовать в руках, сорвать шершавую кожуру, вонзять зубы в ошеломляющую сочность мякоти. Но одновременно это и некий символ, прекрасная вещь природы. Поэзия металла слышится в самоваре, кастрюле, половнике. В тусклом блеске — затаенный звон.

У себя в мастерской Хачатрян своих рисунков не держит, по стенам не развешивает. Они сказали ему свое слово и ушли. Художник жадно устремлен к следующему, притягивающему его человеку, к новой Галактике.

Он мог бы повторить слова столь любимого им Аветика Исаакяна:

Мое сердце — это небо,
И любая жизнь земная
В нем свою звезду имеет,
Свой престол имеет в нем.

В ЛИПАТОВ.

Rudolf Khachatryan (1937–2007)

Rudolf Khachatryan Digital Archive · rudolfart.com

My Heart Is the Sky

This file was downloaded from:

<https://rudolfart.com/publications/Pub-0102?lang=en>

Works by Rudolf Khachatryan © Heirs of Rudolf Khachatryan. Other texts, photographs and design © their respective authors. When using this material, please credit the source and link to the page above.

Рудольф Хачатрян (1937–2007)

Цифровой архив Рудольфа Хачатряна · rudolfart.com

Мое сердце — это небо